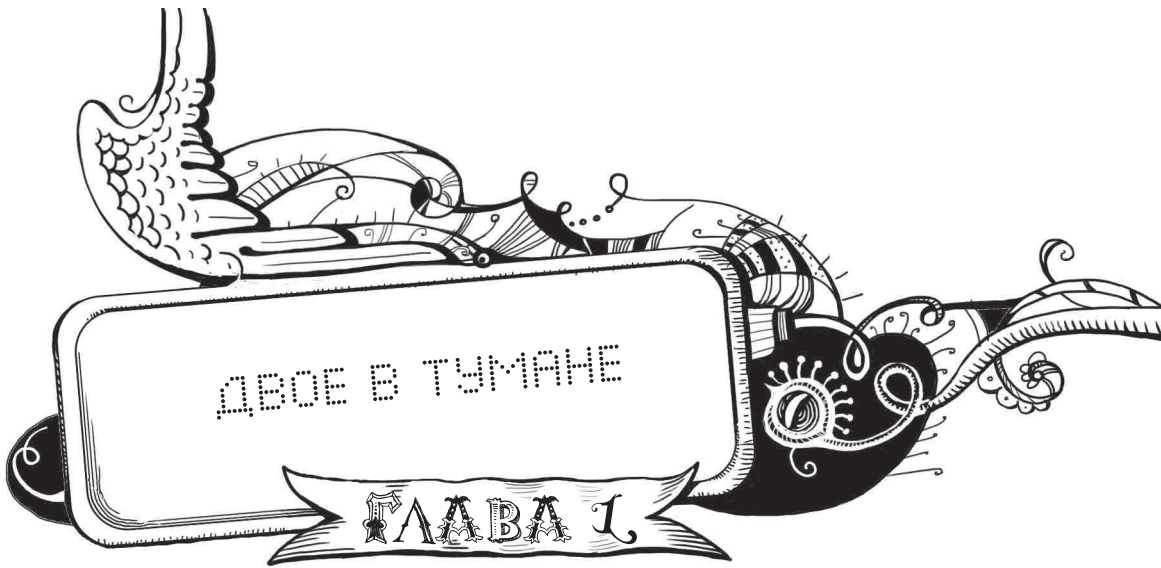

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за всё происходящее.

Везде далее: Диди = дополнительная информация для инфилоперов.

Двое шли не оборачиваясь.
Двое наблюдали за ними, притаившись в кустах.

Кусты были ненастоящие — из густого игольчатого тумана. Те, которые за ними скрывались, казались, напротив, самыми что ни на есть материальными: плотными и живыми.

А те, которые шли, они, они были какие? Из кустов этого не разглядеть, далеко...

Один из сидящих в кустах — младший — нетерпеливо посмотрел на часы. Часы справа показывали ровно два, часы слева — пятнадцать минут одиннадцатого.

Время и пространство тянулись очень медленно.

Идущие двигались еще медленнее.

Идущие разговаривали. Значит, они тоже были живые? А туман, туман настоящий или нет? Да и

туман ли это? Если туман, почему в нем видна какая-то структура, какой-то каркас, что ли...

Ничего не понятно...

— Послушай, какого лешего ты носишь это дурацкое пончо с капюшоном?

Человек, которому был задан этот вопрос, — если только это был человек, конечно! — неопределенно пожал плечами, однако ответил:

— Что на меня нацепили, в том и хожу.

В его голосе не было ни раздражения, ни усталости, ничего. Неопределенный какой-то был голос, без эмоций. Мужской или женский? А может, детский?

— Не, мужской! Пусть будет мужской! — прошептал внук, ныряя поглубже в кусты.

— О'кей, мужской так мужской, — согласился дед.

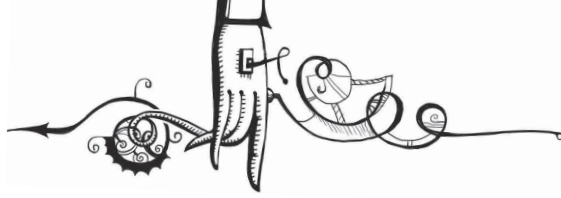
Незнакомец в пончо — скорее всего, это все-таки был человек — пошел быстрее, и толстячок, задавший вопрос о его наряде, вынужден был засеменить, чтобы успеть попасть след в след, поскольку дорога за решительно топающим вперед незнакомцем как-то внезапно исчезала, растворяясь в пространстве, точнее, в полном отсутствии пространства. Отстать означало раствориться.

— Эй, дед, не слишком страшно?

— Да ладно, в самый раз.

— Ну хорошо.

Было совершенно неясно, куда эти двое идут и зачем. Первый — который в пончо — внезапно остановился. Но не обернулся.

— А чего ты никогда не поворачиваешься? — подозрительно спросил второй.

— Ну, у меня это... лица у меня пока нету, вот почему! — признался первый.

— Ни фига себе!

— Не ругайся.

— Я не ругаюсь, «фига» — это у них там такое дерево.

— У кого «у них»?

— Ну, у всех, кто не мы, у всех, кто не тут.

— А-а-а...

Человек в пончо — если это был человек — добавил к своему «А-а-а» еще какую-то фразу, но притаившиеся в кустах дед и внук ее не расслышали. Хотя вроде бы громко было произнесено.

— А может, он не по-нашему сказал! — предположил внук.

— Наверное, — немедленно согласился дед. — Мне кажется, это был язык инфилоперов...

— Ух ты! Давай запишем на диктофон!

Но записать не удалось. Во-первых, идущие в тумане больше не проронили ни звука, только толстяк разок шумно вздохнул — запыхался. Во-вторых, они отошли довольно далеко от кустов более плотного

тумана, в которых внук мог записать их разговор, воспользовавшись «браслеткой» на левом запястье. И наконец, в-третьих, внука и деда отвлек звонок.

От звонка туман мгновенно растаял, уступив место большому экрану телефона, на котором возникла хлопающая нарощенными ресницами девица:

— Добрый день! Я — корреспондент журнала «Фэн-фан», мы с вами договаривались о небольшом интервью.

— Да-да, помню. Здравствуйте.

— Сейчас вам удобно говорить?

Деду было удобно. Внук вздохнул, укутался в теплый невесомый халат с набивным рисунком в виде волосатых игольчатых кустиков и ушел в другую комнату.

— Мне бы хотелось начать вот с какого вопроса... Ой! — Тут девица запнулась и принялась рыться в блокнотике. — Забыла с какого...

Пока она рылась и смущалась, дед подошел к письменному столу, плеснул в чашку кофе из стоящего тут же кофейника, ткнул в одну из двух кнопок на ручке чашки, сделал глоток...

Тем временем в исчезнувшем тумане толстячок продолжал семенить за стремящимся вперед, в никуда, человеком — если это был человек — в цветастом

пончо. В конце концов толстяк не выдержал и взмолился:

— Эй, Мебби! Стой!

— Что такое, Клейн?

— Все. Стоп. Делаем привал. Я больше не могу!

Тот, которого назвали Мебби, остановился. И даже обернулся, откинув капюшон. Синие глаза, темные волосы ежиком, длинный, но не слишком, нос, тонкая верхняя губа, помястее нижняя. Коричнево-сероватая родинка под левым глазом ближе к виску. Лицо вполне себе человеческое, мужское, не слишком молодое, но и не старое. Симпатичное. Загорелое.

— Ты же говорил, что у тебя нет лица! — удивился тот, которого Мебби назвал Клейном.

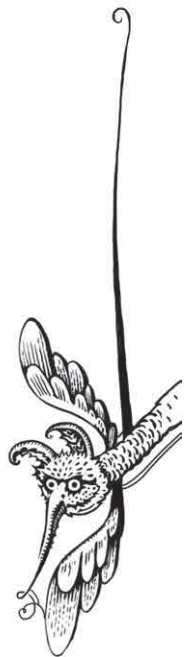
— Ну дык это для них нет. Которые в кустах прятались.

— Придурки!

— Почему придурки? Вполне средних способностей субъекты. Правда, старший абсолютно уверен в том, что это он нас придумал...

— Я и говорю — придурок! — Клейн совсем запыхался и теперь отдыхал в позе спортсмена-бегуна, добравшегося до финиша: согнувшись и упершись ладонями в колени.

Мебби неодобрительно покачал головой, глядя на своего спутника. То ли ему не нравилось слово «придурки», то ли плохая физическая форма

попутчика. Он скинул с себя пончо, бросил его на воздух. Пончо неожиданно зависло в полуметре от земли, выгнулось, превратившись в подобие кресла.

— Садись, отдыхай, что ли. Будем считать, что мы пришли.

— Упс!!!

— Что — «упс»? Тебе не нравится это место? Оно ничем не хуже любого другого. Можно начать и тут. Я шел потому, что, когда движешься, легче думать.

— Да нет, я не про это — «упс». Я про другое... — И толстяк виновато, но выразительно скользнул глазами по голове Мебби и вниз, к ногам.

С головой у Мебби все было в полном порядке. С шеей тоже. Ноги, обутые в бежевые кожаные ботинки, выглядели также вполне нормально, если не считать оборванного шнурка, из-за которого зашнуровать правый башмак аккуратно не удалось: верхние дырочки остались пустыми. Словом, голова и ноги не могли вызвать никакого удивления ни у Клейна, ни у любого стороннего наблюдателя. Тело тоже не могло вызвать никакого удивления — удивление вызывало полное его отсутствие. Впрочем, теперь было ясно, что Мебби не человек. Во всяком случае, не вполне.

Проследив за взглядом своего спутника, Мебби равнодушно вздохнул:

— А, вот ты о чем.

— Ага.

— Так путешествовать удобнее.

— А-а-а...

Мебби усмехнулся, прищелкнул пальцами. Пальцы у него были, так же как кисти рук и манжеты, в тон воротничку, которым оканчивалась шея. В щелчке, да и в самом облике Мебби, в выражении его лица, даже в сероватой родинке под глазом, чувствовалась сила, много мягкой силы. Очень много силы. Безумное количество силы.

Клейн непроизвольно зажмурился, ожидая, что сейчас что-то произойдет: засветится, появится, исчезнет или ка-а-ак взорвется... В страхе он даже схватился руками за пончо, временно выполняющее функции кресла. Однако ничего не случилось. Клейн осторожно открыл один глаз, потом второй, потом третий... Ничего. Все тот же беловатый туман вокруг, та же пустота, в которой несколько театрально движутся голова, ботинки, руки.

— Ну что, отдохнул? Начнем?

— Слушай, а как ты так это, а? А я так смогу? А если...

— Ты и сейчас так можешь, — не дослушав, ответил Мебби. — Ноль проблем.

— Но я не могу!

— Ты можешь.

— Точно?

— Точно. Мы с тобой одно существо, забыл?

— Ах да.

— Склеротик!

— Кто, я?

— Нет, я! Мы же с тобой одно существо все-таки.

Клейн не мог этого понять. Это не укладывалось в голове, никак, ну никак.

— Мы с тобой одно существо, — терпеливо повторил Мебби. — Мы — инфилоперы.

— Мутангелы? — уточнил Клейн.

— Какая у тебя путаница в башке!

— И у тебя тоже, если я — это ты. Или ты — я.

— Фух! Фух! Выдыхаем. Я спокоен, я абсолютно спокоен... Раз, два, три... десять... Да не ты — я, не я — ты! Нету здесь никаких «я», никаких «ты»! — Мебби едва сдерживался. — Мы одно существо! Что тут непонятного? Од-но су-щест-во по имени Мебби Клейн! Дошло?

Клейн поджал губы, не ответил.

— Мы вместе — Мебби Клейн, разрази тебя молния!

Клейн встал, неосознанно, щелчком пальцев, свернул кресло-пончо в рулончик, покрутил затекшей шеей. Потом заметил:

— Учти, если меня, Клейна, разразит молния, тебе, Мебби, тоже каюк.

— Да щаззз. Тебе каюк, а я останусь.

— Но... но ты уже не будешь инфилопером. —
В голосе Клейна не было особой уверенности.

— Пф. Еще как буду.

— А мутангелом?

— Мутангелом тем более.

— А Мебби Клейном?

Мебби на мгновение задумался. Потом ответил что-то на языке инфилоперов. Потом они начали делать то, ради чего пришли в это странное место, которое, строго говоря, не являлось местом в нашем, привычном, понимании этого слова.

Со стороны действия Мебби Клейна (особенно Мебби!) могли бы показаться волшебными, но никакой магии во всем происходящем не было. Магии вообще в природе не существует, она и не нужна. Потому что мир устроен намного круче и нереальнее, чем мы можем себе представить. Мир так обалденно устроен, что...

